

В Куйбышевском академическом театре драмы имени А. М. Горького заканчивается очередной сезон. Впереди — летние гастроли в Минске, к которым сейчас готовится коллектив. Короче говоря, настало самая подходящая пора оглянуться назад и посмотреть, чем же был знаменателем прошлый сезон, на какие вопросы он ответил и какие проблемы поставил.

Об этом и пойдет речь в данных заметках.

1. ЗРИТЕЛИ

Как известно, в Куйбышеве любят театр. Театр вообще, и Куйбышевский академический, в частности. Просошащемость, говоря деловым языком, здесь высокая и стабильная, выше, чем в каком бы то ни было нестоличном театре России. Привычка стала и мысль о том, что наш драматический театр является одним из припанных центров эстетического воспитания, духовной жизни куйбышевцев.

Известно также, что наш театр есть за что любить, подтверждения этому мы получаем постоянно, и нынешний сезон не исключение.

Но что такое любовь без душевного движения, без сомнений, разочарований, страданий? Что это за «среднерифмический» зритель, который каждый вечер покорно заполняет зал, восхищенно благодарит артистов за полученное удовольствие, чтобы завтра повторить все снова?

А может быть, вовсе и нет такого «среднего» зрителя, а есть зрители разные, и любовь их к театру совсем не

ДРАМТЕАТР:

ОБЛИК СЕЗОНА

одинакова и совсем не благодушна?

И что это такое — любить театр? Быть театралом? Но сколько театралов маячат на премьерах исключительно по привычке или по престижным соображениям, в то время как настоящий зритель жалостливо спрашивает у входа лишился билетик?

Нет, это нечто иное, более значительное. Обратимся к великим и вспомним, как В. Г. Белинский писал на эту тему: «Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его, т. е. всеми силами душой вашей, со всем энтузиазмом, со всем исполнением, к которому только способна пылкая молодость, жаждая и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины».

Обратите внимание, что великий критик связывал восприятие театра с совершенством предметными понятиями: с удовлетворением чувства прекрасного и с трибуной передовой общественной мысли, ибо «благо» и «истина» — в одном ряду с театром...

Куйбышевский театр имеет серьезного зрителя, имеет давно, и, надо полагать, будет иметь и впредь, потому что давал и дает пищу уму и сердцу многих поколений зрителей, возбуждая их духовную активность, укрепляя и воспитывая их нравственное чувство, граждансскую зрелость. Оставаясь при всем том, своеобразным, если не уникальным художественным

организмом, искусство которого имеет свою тенденцию, свой способ видения жизни.

И это только говорят, что один зрителе ходит на классику, другой — на современную пьесу, третий — на комедию, а другой вообще ходит «на актеров». Все они ходят в театр в ожидании открытия, и это, право же, неплохая программа для отношений театра со своим зрителем.

Но значит ли все это, что в зрительном зале нет своих проблем? Мне кажется, они есть, и само благополучие театра их породило. Появилась определенная категория восторженного зрителя, который в своей слепой преданности театру не способен реально глядеть на вещи, готов принять «на ура» все без разбору, мешая кислов с пресным, и в результате, оказывая театру плохую услугу. Я не люблю зрителя-скептика, предвзятого зрителя, но они, а именно восторженные без меры губили и целые труппы и многие актерские судьбы...

Не думаю всерьез, конечно, что такие беды грозят нашему театру, но ведь и сладостный дым щиплет глаза. К тому же что-то уж слишком активен стал этот зрителе. Потому что одно дело кричать « bravо », в другое — вмешиваться в практическую жизнь театра, а то и в распределение ролей (на зрительских конференциях об этом говорят без обиняков). Зрительская активность — прекрасная вещь, когда она

выражается в духовной приватности к театру, но не более.

И еще на тему зрителя. Как известно, театр не может, как правило, вместить всех желающих, иначе говоря, туда нелегко попасть, тем более зрителю молодому, за счет которого и должна пополняться его аудитория. Казалось бы, телевидение могло колоссально раздвинуть стены зрительного зала. Не тут-то было! Спектакли куйбышевцев на экранах телевизоров такая же редкость, как и десять лет назад. Финансовые интересы? Неужели они «интереснее» возможностей доисторического искусства до широких масс? Сделало же телевидение хорошее дело, записав и показав несколько «Бенефисов», практиковавшихся в театре в этом сезоне. Но «Бенефисы», как пишут рецензенты, праздники, «полукатаститики», а настоящий театр — будничный.

2. РЕПЕРТУАР

Шесть новых спектаклей посмотрели в прошлом сезоне зрители. Была здесь и русская классика («Господин Головлевы»), западная классическая и современная пьеса («Пигмалион») и «Визит старой дамы»), спектакли на основе современной советской литературы (пьеса «Каса маэ», инсценировка симоновской прозы «Мы не увидимся с тобой» и киносценарий (!) «Наш современник»).

Репертуар, как говорится, разнообразный, но на первый взгляд труднообъяснимый. Как раз в силу такой разноплановости. Но, повторяю, только на первый взгляд. Многолетняя репертуарная политика главного режиссера и руководителя театра П. Л. Монастырского здесь проявилась весьма характерно. Я бы назвал ее реалистической, потому что объективные возможности труппы и субъективные пристрастия режиссера вполне в согласии.

И вот почему. К примеру, театр психологической драмы, каковым является наш театр, не может обойтись без глубинной «пахоты великих русских реалистов», где что ни характер, то глыба (по нынешней интеллектуальной терминологии «монстр»), где все связано не тонюсенькими проводками случайных драматургических связей, а цепями социально-психологических отношений, где медленно запрягают, но быстро едут. И вот появляются «Господин Головлевы» (инсценировка Е. Весника, постановка В. Муравца), удивляющие верстовой масштабностью обличия порока, выворачивающие душу стениами покоренного человеческого естества.

А «Пигмалион», разве

речь о счастье...

Право на счастье... И в спектакле «Каса маэ» есть эта тема, как и тема ответственности за счастье других. Есть эта мысль и в «Нашем современнике», где личное счастье трактуется как счастье гражданства...

Нет, далеко не прост и не случаен репертуар сезона. Он дает возможность театру разговаривать со зрителем о важнейших проблемах человеческого бытия, средствами своего искусства учит различать добро и зло, учит человеческому достоинству.

Важно отметить, что в основе всех шести спектаклей академического театра лежит первоклассная литература, обстоятельство, вполне понятно, немаловажное. Конечно, инсценировка — не лучший вид драматургии, но, даже являясь противником переложений романов и повестей на театральный язык, успокаивающая себя мыслью, что проза это достойная.

Но вот наблюдение иного рода. Из шести называемых пять — увы — примелькались в театральных афишах страны. И каким бы добротным не был настоящий репертуар, он не дает представления о современной советской драматургии, которая много разнообразнее по темам, по жанрам и по своей художественной проблематике. В сюдвой афиши сезона современная пьеса представлена, конечно, но вот среди премьер ее что-то не видно...

Впрочем, к этому мы еще

вернемся, когда будем говорить о режиссуре и актерских работах — в следующей статье.

Е. ЖОГОЛЕВ.